

которая возлагает на гражданина СССР обязанность «быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка». Социальная же возможность такого поведения вытекает из норм уголовного права. Так, в ч. 3 ст. 15 УК УССР, а также в ст. 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» действия по задержанию преступника признаются правомерными [14]. Право советских граждан на задержание преступника справедливо относится в литературе к абсолютным субъективным правам [9, с. 136]. Следовательно, наличие общественной необходимости такого поведения, как задержание преступника, в совокупности с социальной возможностью этих действий со всей очевидностью свидетельствует об общественно полезном их характере.

Социальная возможность того или иного поведения, равно как и его общественная необходимость, определяется не только и не столько нормами уголовного права. Как уже указывалось, такое правомерное поведение, например, как исполнение обязательного приказа, выполнение профессиональных функций, те права и обязанности, которые при этом возникают, регулируются нормами других отраслей права. Это, однако, не меняет основного вывода, что все они, как и необходимая оборона и крайняя необходимость, характеризуются как общественно полезные. Именно среди этих обстоятельств занимают свое место действия по задержанию преступника, правомерность и полезность которых полностью исключает уголовную и иную ответственность.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., Юрид. лит., 1975. 264 с. 2. *Андреев И.* Очерки по уголовному праву социалистических государств. М., Юрид. лит., 1978. 165 с. 3. *Галкин В. М., Блум М. И.* Уголовно-правовой запрет. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Рига, 1978, с. 4—21. 4. *Гальперин И. М.* Взаимодействие государственных органов и общественности в борьбе с преступностью. М., Юрид. лит., 1972. 184 с. 5. *Дагель П., Зусь Л.* (Рец. на кн.:) Н. А. Огуцов. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. — Соц. законность, 1977, № 3, с. 93—94. 6. *Дурманов Н. Д.* Понятие преступления. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948. 311 с. 7. *Красиков А. Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976, 119 с. 8. *Кудрявцев В. Н.* Право и поведение. М., Юрид. лит., 1978. 192 с. 9. *Огуцов Н. А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. 206 с. 10. Курс советского уголовного права. Т. II. М., Наука, 1970. 515 с. 11. *Слуцкий И. И.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., Изд-во ЛГУ, 1956. 116 с. 12. Советское уголовное право. Общая часть/Под ред. В. Д. Меньшагина и др. М., Изд-во МГУ, 1974. 444 с. 13. Советское уголовное право. Общая часть/Под ред. Н. А. Беляева, М. И. Ковалева. М., Юрид. лит., 1977. 544 с. 14. Ведомости Верховн. Совета СССР, 1966, № 30, ст. 595.

В. П. Тихий, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ В ч. 2 ст. 222 УК УССР**

Главным направлением в борьбе с преступностью является ее предупреждение. В связи с этим «у нас проявляется все

большая забота о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить» [2, с. 81]. «Мудрый законодатель, — писал К. Маркс, — предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него» [1, с. 131].

Важную роль в этом деле играют нормы уголовного права, в частности нормы поощрительные, которые «нацелены на благоприятствование социальной переориентации лиц, совершивших преступление, на стимулирование к добровольному предотвращению, нейтрализации или уменьшению отрицательных последствий преступления» [5, с. 92]. К их числу относится и ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1974 г. «Об ответственности за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ» (ч. 2 ст. 222 УК УССР, примеч. к ч. 1 ст. 218 УК РСФСР), согласно которой «лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности» [11]. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 20 сентября 1974 г. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного оружия» разъяснил, что по смыслу названного Указа от уголовной ответственности освобождаются, в случае добровольной сдачи огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, не только лица, хранившие их без соответствующего разрешения, но и те, которые их «незаконно приобрели, изготовили или носили» [10, 1974, № 5, с. 10]. Таким образом, Пленум Верховного суда СССР, признав, что добровольная сдача огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ при любом их незаконном владении исключает уголовную ответственность, дал в полном соответствии с Указом от 11 февраля 1974 г. распространительное толкование данного закона.

Принятие этой нормы законодателем направлено на то, чтобы предотвратить применение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ в преступных целях, исключить возможность совершения неосторожных преступлений и несчастных случаев при обращении с этими предметами. Законодатель учитывал характер данных предметов и возможность наступления тяжких последствий при пользовании ими, так как они представляют повышенную опасность для правоохраняемых интересов. Эта опасность вызвана тем, что огнестрельное оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества по своей вещественной природе таят в себе большую и притом реальную угрозу общественной безопасности. Им свойственна значитель-

ная разрушительная сила, они предназначены либо для поражения живой цели, либо для разрушения тех или иных преград окружающей среды. Обращение с ними создает угрозу жизни и здоровью граждан, уничтожения и повреждения имущества.

Нахождение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ у преступных элементов дает им дополнительные возможности для совершения преступлений. Не имея этих предметов, лицо во многих случаях не решилось бы пойти на преступление. У него при таком положении вещей даже могло не возникнуть мысли о преступлении. Владение же огнестрельным оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами в какой-то мере может побудить к совершению преступления, создает уверенность в успешности будущих преступных действий, так как облегчает их совершение, а равно помогает избежать задержания и поимки. В значительной мере это связано с тем, что указанные предметы в силу своей легкости и портативности являются удобными для скрытого и незаметного их ношения и внезапного применения. Причем они приводятся в действие весьма простыми и более того общеизвестными способами, для овладения которыми по существу не требуется какого-либо специального обучения.

Высокая степень общественной опасности со стороны лица, незаконно хранящего огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, определяется и тем, что ему легче и проще найти соучастников, подавить сопротивление граждан, которые попытаются воспрепятствовать или помешать преступлению, равно как и избежать задержания и ответственности. Наличие оружия способствует формированию и деятельности преступных групп, нередко возглавляемых рецидивистами [9, с. 141].

Очевидно, вооруженный преступник действует более дерзко, что затрудняет или вовсе исключает применение необходимой обороны и предупреждение опасных последствий, которые могут быть причинены. Сам факт вооруженности преступника может оказать на граждан парализующее воздействие, а применение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ при совершении преступления «увеличивает интенсивность насилия, доводя его до степени опасного для жизни» [6, с. 38]. Не случайно, что к незаконному владению оружием нередко стремятся лица, которые имеют намерение использовать его в преступных целях, а наиболее опасные преступления во многих случаях связаны именно с применением оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ [10, 1974, № 5, с. 3]. Наконец, незаконное хранение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ существенно увеличивает опасность причинения тяжких последствий, так как неумелое с ними обращение, а также небрежное их хране-

ние может явиться причиной неосторожных преступлений и несчастных случаев.

В связи с этим охрана наиболее важных социалистических общественных отношений требует, чтобы преступления, связанные с применением огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, были предупреждены в том числе и ценой освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших данные предметы. Интересы наказания таких преступников уступают здесь место интересам действенной охраны общества. Таким образом, задача уголовно-правовой охраны социалистического правопорядка от преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ решается законодателем двояким образом — не только и не столько путем усиления наказания за их незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт, но и путем освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших эти предметы. Именно эти обстоятельства и учитывал законодатель, когда во вводной части Указа от 11 февраля 1974 г. указал, что он издается в «целях повышения эффективности борьбы с преступлениями, связанными с применением огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ» [11].

Эффективность этого Указа нужно связывать с результатами, достигаемыми в борьбе с преступлениями, за которые в нем установлена ответственность, ибо результативность уголовно-правовых норм оценивается с точки зрения того, в какой мере они способствуют целям укрепления социалистического правопорядка, охране прав и интересов советских граждан [8, с. 3]. То обстоятельство, что лицо освобождается от уголовной ответственности в случае добровольной сдачи им огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, стимулирует поведение гражданина, заставляет прекратить незаконное хранение данных предметов и тем самым содействует предотвращению общественно-опасных последствий, связанных с незаконным владением этими предметами. Добровольная сдача огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ означает, что опасность насильственного причинения вреда социалистическими общественными отношениями устраняется: эти предметы не могут быть использованы в преступных целях, исключается и возможность совершения неосторожных преступлений и несчастных случаев при обращении с ними.

Именно исходя из интересов предупреждения преступлений законодатель признал необходимым освобождение от уголовной ответственности лица, прекратившего свою преступную деятельность путем добровольной сдачи оружия, боевых припасов в взрывчатых веществ, которыми он незаконно владел. В связи с изложенным представляются узкими трактовки целей анализируемой нормы, предложенные некоторыми авторами.

Так, М. Дубинина считает, что рассматриваемая норма имеет значение лишь для предупреждения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 218 УК РСФСР (ч. 1 ст. 222 УК УССР) [7, с. 43]. А. В. Барков полагает, что она служит целям создать у виновного стимул в способствовании органам государства в раскрытии указанного преступления [4, с. 69]. Однако законодателя интересует не только и не столько предупреждение и раскрытие незаконного ношения, хранения, приобретения и изготовления огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, ответственность за которое установлена в ст. 222 УК УССР, а то, чтобы эти предметы не выступили средством совершения других более тяжких преступлений, не привели к неосторожным преступлениям, к несчастным случаям.

Нельзя согласиться и с пониманием целей этой нормы Г. Агафоновым, который считает, что ее введение продиктовано целесообразностью создать благоприятные условия для своевременного исправления своей ошибки лицами, которые в результате личного легкомыслия хранили огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества [3, с. 34]. С целями этой нормы связан и вопрос о юридической природе установленного в ней освобождения от уголовной ответственности. В ч. 2 ст. 222 УК предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности, который характеризуется следующими свойствами. Во-первых, об освобождении от уголовной ответственности можно говорить лишь при условии, что в действиях лица имеются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК. Во-вторых, лицо добровольно сдает огнестрельное оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества, находившиеся у него без соответствующего разрешения. В-третьих, при наличии условий, указанных в ч. 2 ст. 222 УК, освобождение от ответственности наступает всегда, независимо от усмотрения следователя, прокурора или суда.

Таким образом, юридическая природа нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 222 УК УССР, заключается в том, что это специальный вид освобождения виновного от ответственности и, следовательно, от правовых последствий преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК УССР, в связи с тем, что своим поведением — добровольной сдачей огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ — лицо предотвращает не только вредные последствия совершенного им преступления, но и возможность совершения других, как умышленных, так и неосторожных преступлений и возникновения несчастных случаев.

Список литературы: 1. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 119—160. 2. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971. 320 с. 3. Агафонов Г. Законодательная регламентация відповідальності за незаконне володіння зброєю. — Рад. право, 1975, № 4. 4. Барков А. В. Юридическая природа освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного нормами Особенной части уголовного законодательства. — В кн.: Проблемы уголовного права. Минск, Изд-во

БГУ, 1976. 5. *Галкин В. М.* Система поощрений в советском уголовном праве. — Сов. государство и право, 1977, № 2, 6. *Гаухман Л. Д.* Борьба с насильственными посягательствами. М., Юрид. лит. 1969. 120 с. 7. *Дубинина М.* Ответственность за незаконное владение огнестрельным оружием. — Соп. законность. 1975, № 3. 8. *Кудрявцев В. Н.* Предисловие к книге «Эффективность применения уголовного закона». М., Юрид. лит., 1973. 9. *Тенчов Э. С.* Предупреждение случаев незаконного изготовления, ношения и сбыта оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (криминологическое исследование). — В кн.: Вопросы социалистического государства и права на современном этапе. Иваново, 1976. 10. Бюл. Верховн. Суда СССР. II. Ведомости Верховн. Совета СССР, 1974, № 7, ст. 116.

И. М. Гасанов

Московский госуниверситет

СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Ст. 22 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает возможность изменения условий содержания осужденных, отбывающих согласно приговору суда наказание в исправительно-трудовом учреждении. Наличие такой возможности изменения условий содержания лиц, отбывающих лишение свободы, ставит вопрос о существовании так называемой прогрессивной системы.

В соответствии со ст. 22 Основ возможно изменение условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы 1) путем перевода из одного вида исправительно-трудового учреждения в другое; 2) без такого перевода в пределах одного и того же исправительно-трудового учреждения. Для применения ст. 22 Основ необходимо, во-первых, отбытие осужденным определенного срока наказания в той исправительно-трудовой колонии (тюрьме и воспитательно-трудовой колонии), которая была ему определена в приговоре суда; во-вторых, наличие законных оснований, когда возможны такие изменения условий содержания; в-третьих, такие изменения (как в сторону усиления режимных правил, так и их смягчения) должны быть одним из средств достижения целей исправления и перевоспитания.

В литературе нет единого четкого подхода к прогрессивной системе. Одни авторы ее поддерживают, другие же указывают на ее неприемлемость. Так, А. Е. Наташев считает, что прогрессивная система отбывания наказания «вырабатывает у заключенных небескорыстное, потребительское отношение к своему поведению [2, с. 249—250; 3, с. 204—208] и тем самым стимулирует ложное исправление. Возражая против этого вывода, А. М. Яковлев пишет, что аргументация А. Е. Наташева «была направлена не столько против самой прогрессивной системы, сколько против возможных ее извращений на практике